

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АДМИНИСТРАЦИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ г. ТОМСКА
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ ТГУ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Сборник материалов
V Сибирского психологического форума*

*3–5 октября 2013 г.
г. Томск*

Томск
2013

«ДЛЯ БЫВШИХ ДЕТЕЙ ИЛИ БУДУЩИХ РОДИТЕЛЕЙ?» (К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙНОЙ АДРЕСАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ КНИГИ)

А.Н. Губайдуллина (Томск, Россия)

Говоря о литературе с двойной адресацией или cross-writing – то есть о современных книгах для детей, по преимуществу понятных взрослым (Губайдуллина, 2012) – мы неизбежно выходим к проблеме адресности как таковой. Мы подразумеваем, что литературное произведение имплицитно несет смыслы и сигналы, значимые для субъекта определенного возраста (именно для ребенка или именно для взрослого), находящегося за пределами текста.

Проблема адресата связывает различные области знания; она является и психологической, и социологической, и филологической одновременно. Попытка выявить группу лингвистических признаков текста, ориентированных на ребенка, сделана в диссертационном исследовании Елены Владимировны Белоглазовой «Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литературы» (Белоглазова, 2001). Белоглазова берет за основу гипотезу о том, что у автора существует модель идеального адресата произведения. Лингвист выделяет несколько «сигналов» адресованности английской детской литературы на разных уровнях текста. Таких, как:

- избыточность текстовой информации («Эта избыточность проявляется в повторах лингвистических единиц различного уровня, в гипертрофированной проспекции/ретроспекции»);
- кумулятивность, как принцип построения произведения на основе повторов;
- повышенная экспрессивность текста, соответствующая высокой эмоциональности адресата;
- максимальная мотивированность лексических единиц различных уровней, отвечающая наглядно-образному типу детского мышления («Ребенок даже в слове ищет образные элементы, которые помогают ему установить связь означаемого и означающего на основе сходства между материальной оболочкой слова и чувственно-воспринимаемыми свойствами предмета»);
- высокая эксплицитность текста, проявляющаяся в сближении семантического и синтаксического уровней, обилии вводных и вставных элементов;
- визуальность текста: сегментация, шрифтовое оформление, капитализация, особая пунктуация;
- игровая трансформированность интертекстов.

Автор диссертационного исследования пишет, что лингвистика начала проявлять внимание к адресности во время изменения научной методологии. «В сферу интересов лингвистики понятие «понимание» вошло при смене структуралистской парадигмы на коммуникативную.

В результате этого переворота язык стал рассматриваться преимущественно в свете его потенциала как средства передачи информации». Смена парадигмы проявилась и в литературоведении. Если рассматривать современные русские произведения для детей с точки зрения коммуникативных стратегий (в зоне сближения литературоведения и социологии), можно увидеть трансформацию детской литературы во второй половине XX века и обозначить коммуникативные «векторы» детского текста.

По мнению социологов, коммуникативная личность обладает тремя определяющими характеристиками: мотивационной, когнитивной и функциональной (Конецкая, 1997), (Караулов, 2010). Мотивационный параметр отражает приоритеты личностных потребностей. Чем выше определенная потребность субъекта (в получении значимой информации, в понимании, в поддержке, в самоутверждении и так далее), тем устойчивее данная коммуникативная установка и тем сильнее она выражается в высказываниях, в том числе и литературных. Когнитивный параметр включает в себя множество показателей интеллектуального и эмоционального развития личности. Это способность к осмыслению коммуникации, к саморефлексии и пониманию Другого. «Среди когнитивных характеристик, отмеченных в языковой личности, для коммуникативной личности существенным является знание коммуникативных систем (кодов), обеспечивающих адекватное восприятие смысловой и оценочной информации, и воздействие на партнера в соответствии с коммуникативной установкой» (Конецкая, 1997).

Функциональная характеристика иначе может быть названа коммуникативной компетентностью. Это умение пользоваться вербальными и невербальными средствами и варьировать их в зависимости от типа коммуникации; знание речевого этикета, культурных и стилистических норм.

Cross-writing современной прозы и поэзии для детей характеризуется тем, что авторы соединяют в одном тексте мотивационную, когнитивную и функциональную характеристики, свойственные коммуниканту-ребенку и коммуниканту-взрослому. Наглядно увидеть это соединение позволяет одна из недавно изданных прозаических детских книг – «Ветер делают деревья». По итогам всероссийского проекта-конкурса «Книга года: выбирают дети» произведение С. Востокова вошло в десятку лучших, выпущенных в 2012 году.

Подзаголовок книги: «Руководство по воспитанию дошкольников для бывших детей и будущих родителей» объединяет – две адресные группы. Следовательно, уже рамочный текст предполагает двойную адресацию. Двойственность прослеживается и в образах героев. В книге есть ключевая фигура взрослого (воспитательницы Веры Александровны) и ребенка (шестилетнего Гены Спицына). Отношения «учитель / ученик» нехарактерны для традиционной детской литературы: у Востокова именно ребенок становится невольным воспитателем чувств и транслятором опыта, а взрослый изменяется под влиянием ребенка. Привычная этическая модель инвертирована.

Книга построена как дневник, который Гена ведет на протяжении четырех месяцев и дарит своей воспитательнице. Прочитав записки, Вера Александровна меняет свое педагогическое отношение к детям. По сюжету, она отказывается от свободных углов в группе; делает гирлянду из «методического пособия по воспитанию дошкольников». Изменения происходят не только в мышлении, но и в физическом состоянии героини, сначала она больна, но по мере чтения дневника выздоравливает. Развитие сознания коррелирует с динамикой хронотопа: первые записи в дневнике приходятся на сентябрь (начало учебного года, торжество формальной образовательной системы), заканчивается книга новогодним обновлением мира.

Первая же дневниковая запись Гены представляет собой пример самоанализа: «Вообще-то я никакой не гений. Эту кличку мне придумал Лосев, потому что она похожа на моё имя. По-настоящему меня зовут Гена» (Востоков, 2012, 10). Образ дошкольника, ведущего дневник на протяжении нескольких месяцев, расходится с портретом реального адресата детской литературы. У маленького ребенка нет стремления к обобщению и фиксации жизненного опыта, которое демонстрирует литературный герой: «Тогда я решил завести дневник, чтобы собирать в нем свои размышления и разные истории из жизни» (Востоков, 2012, 10). Для дошкольного возраста характерны первые лишь попытки определения во времени, он пока не ориентирует деятельность на долгосрочную перспективу. Произвольная память ребенка укрепляется медленно, поэтому он не ставит перед собой цель запомнить факт, не владеет специальными техниками запоминания (Кулагина, 2001). Кроме того, у ребенка 6-7 лет лишь начинает формироваться система соподчинения мотивов, и дошкольник не способен давать долгосрочные обещания и следовать им в течение продолжительного времени (в частности, вести дневник). Однако Гена Спицын ведет дневник не только для записи своих чувств, размышлений. Он выступает также «летописцем»: объективно рассказывает о жизни своих одноклассников, размышляет о своих друзьях, оценивает чужие поступки. Таким образом, текст Станислава Востокова рассчитан на коммуникативную личность, мотивационный компонент которой включает потребности в самоосознании, в сохранении опыта для Другого (именно поэтому дневник он дарит), в то время как у дошкольников только начинают складываться постоянные (надситуативные) мотивы (Кулагина, 2001). Шестилетний герой Востокова имеет способность к генерализации, к социальным обобщениям: «Я давно заметил (*«давно» здесь – важный маркер взрослости сознания*), всё, что из-за границы – вкусное. Потому, что там юг и курорт» (Востоков, 2012). С одной стороны, жизненная позиция Гены по-детски категорична и поверхностна. Но при этом автор доверяет ему мнение, расхожее именно в среде взрослых, а не детей, актуальное для современной России (мнение: за рубежом лучше, чем у нас): «Меня поразила одна вещь: почему-то если животное необычное и яркое, например павлин, то живёт непременно за границей. А если обычное и серое, например ворона, то – у нас» (Востоков, 2012).

Гена Спицын демонстрирует также мотивы, свойственные дошкольникам: познавательные потребности; игровое и ролевое поведение. Хотя и в среде сверстников герой выступает «нетипичным» ребенком: у него пониженная активность, он, скорее, наблюдатель, нежели экспериментатор. Востоков отдает в произведении «детскость» персонажам, окружающим скриптора, допуская возможность увидеть мир детства

глазами одного из его участников. Именно попытка описания герметичного сообщества изнутри требует двойственного образа главного героя. В некоторых ситуациях Гена становится чужим в своем социуме:

«В субботу родители взяли меня с собой в гости. Там был мальчик моего возраста. Он подошел ко мне и сказал:

– Давай возьмем пакет, надуем и залезем под стол. А когда все сядут обедать – бабахнем!

– Зачем? – не понял я.

– Весело будет, – объяснил мальчик.

Я отказался, а он надул пакет, забрался под стол и <...> бабахнул. Мальчика отлупили, а я долго думал, что же в этом весёлого?

Наверное, я в жизни чего-то не понимаю» (Востоков, 2012, 42). В тексте не просто противопоставлены перформативное и рефлексивное поведение. Последняя фраза эпизода свидетельствует о способности к самокритике, об ощущении обособленности от социума, несвойственном для дошкольников.

Характерно, что Вера Александровна относится к Гене как к взрослому и к ребенку одновременно. Когда мальчик предлагает заменить наказание (угол) для приятеля методом естественных последствий (Лосев выпил чужое молоко через макаронину, следовательно, нужно заставить его вылить молоко обратно), воспитательница произносит: «Это способ воспитания такой. Не суйся в мою работу со своими методами» (Востоков, 2012). Первая фраза здесь рассчитана на восприятие ребенка, носит дидактический характер. А вторая предполагает обращение к равному: к человеку с осознанной этической системой, со своей педагогической методикой.

Не только мотивационная, но и когнитивная, и функциональная характеристики адресата книги не однозначны.

С одной стороны, адресату предлагаются примеры наглядно-действенного и наглядно-образного мышления героя, близкие возрастным особенностям шести-, семилетнего ребенка: «Там есть сторож по имени Сансаных <...> Он говорит, что уже понюхал жизнь, а я нет. Но это неправда. Я ее тоже понюхал.

Жизнь Сансаных пахнет керосином и крепким чаем. А моя – в обед борщом, а утром, когда папа идет на работу, – мужским одеколоном «Консул» (Востоков, 2012). Имеет место свойственное детям нарушение причинно-следственных связей, ложные выводы: «Потому что гор в Грузии много, а гантелей, наверное, совсем нет. Зачем в Грузии гантели?»; «Шмели вообще только и делают, что цветы нюхают. И пчелы тоже. А мухи вообще всё нюхают. Потому что плохо воспитаны» (Востоков, 2012).

Маленькие герои, перенимая лексические шаблоны взрослой речи, употребляют «взрослые» слова и выражения в неправильном контексте: «у нас сегодня состоялась драка»; Колобок «стал бродяжкой», «попал в дурную компанию и плохо кончил».

«–То они морду друг другу бьют, то косы заплетают, – сказал Гарик.

– Общая беда всегда сплывает людей, – пояснил Лосев» (Востоков, 2012)

С другой стороны, от читателя книги требуется знание культурных кодов. Например, фраза: «Лосев сказал, что сейчас поскользнется на коже банана, как в кино, и всем сразу смешно станет» (Востоков, 2012) – обыгрывает сценарный эпизод «поскользнуться на банановой коже», ставший трюизмом комедии положений. (Английское выражение «banana skin sense of humour» («юмор с банановой кожурой») обозначает примитивные шутки).

Картины детей Гена сравнивает с абстракционизмом; имеет представление о хиппи, индейцах, европейских колонизаторах; сочиняет вместе с бабушкой стихи в жанре китайской поэзии, знает биографию Пушкина и Лермонтова...

Лексический пласт книги «Ветер делают деревья» включает в себя обороты, сложные для понимания дошкольником: «неоднозначные произведения», «любопытная трактовка образа», «обеспечьте молодежь литературой», «насмехаться над опасностью», «нельзя себя сдерживать, если пришло вдохновение» и так далее.

Итак, при чтении детской книги адресатом, совпадающим по возрасту с главным героем, восприятие будет препятствовать дисбаланс между «книжным» и реальным ребенком. Герой Востокова гораздо старше своего возраста. У него сформирован механизм регуляции поведения. Его сознание является формально-логическим (Ж. Пиаже) и гипотетико-дедуктивным: Гена рассматривает суждения как гипотезы, из которых можно вывести всевозможные следствия. Поэтому детское сказочное мышление у него редуцировано, к сказкам он применяет инструментарий бытовой логики: «Не понимаю, какую внешность

должна иметь бабушка, чтобы ее родная внучка с волком спутала?» (к «Красной Шапочке»); «Я одного не пойму. Зачем ей у самого синего моря – корыто?» (к «Сказке о рыбаке и рыбке»).

Благодаря своей взрослости, дошкольники из книги Востокова (в первую очередь, главный герой) становятся медиаторами, обеспечивая связь между двумя возрастными группами: дети/родители – и формируя механизм cross-writing: дополненное понимание, когда текст произведения в семантической полноте может быть прочитан только детьми и родителями вместе.

Литература

1. *Белоглазова Е. В.* Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литературы. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. филологических наук. СПб., 2001. 16 с.
2. *Востоков С. В.* Ветер делают деревья. М.: Самокат, 2012. 104 с.
3. *Губайдуллина А. Н.* «Взрослое слово» в современной поэзии для детей. / Вестник Томского Государственного университета. Филология. ТГУ, 2012. № 3 (19). С. С. 59-65.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
5. *Конецкая В. П.* Социология коммуникации. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 307 с.
6. *Кулагина И.Ю.* Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет. 5-е изд. М.: Изд-во УРАО, 1999. 175 с.